

СПЕЦВЫПУСК

СЛЕД

1 мая

2004г.

Рабочий
информационный
центр

Трудящиеся всего мира отмечают очередной Первомай.

Об истории 1 мая написано много и разного. До сих пор анархисты и социалисты спорят о том, кто из них имеет на этот праздник больше прав. А также о том, насколько решение международного социалистического конгресса, прошедшего в 1889 году в Париже, о проведении 1 мая 1890 года международной манифестации трудящихся с требованием 8-часового рабочего дня связано с событиями 1-4 мая 1886 года в Чикаго.

Но сегодня речь пойдёт не об истории, а о современности.

Зародившийся ещё в XIX веке Международный день солидарности трудящихся по-прежнему жив, несколько не утратив актуальности. Скорее, даже, наоборот – в условиях современного глобального капитализма, когда капитал стал интернациональным, а борьба рабочих ведётся по большему счёту в рамках национальных границ, проблема международной солидарности и создания нового интернационала людей труда остра как никогда.

Последние годы можно охарактеризовать как время всеобщего наступления капитала на права трудящихся по всему миру. Причём капитал перешёл в наступление не только в бывших соцстранах или в «третьем мире», но и в развитых капиталистических государствах, являвшихся, начиная с послевоенного времени, витриной капитализма.

Теперь же «социальному государству» в Европе и США приходит конец. Начало XXI века ознаменовалось свёртыванием социальных гарантий в развитых капиталистических странах.

С бывшими соцстранами

всё понятно – пролетариат в странах «реального социализма» появившийся на свет считанные годы назад, вышедший из недр «советского» общества, не имеет навыков борьбы за свои права в условиях капитализма. И буржуазия в этих странах, которая, хотя, в общем-то, появилась одновременно с пролетариатом, организована несравненно лучше уже в силу того, что между ними существуют договорные отношения в рамках организации производства, успешно наступает на права трудящихся.

Положение людей труда в странах «третьего мира» всецело обусловлено перестройкой экономик этих стран в интересах международных монополий – при этом гибнут целые отрасли национальной промышленности, но разве заботит это заправил мирового бизнеса. Главное – прибыли, прибыли и ещё раз прибыли.

Впрочем, и бывшие соцстраны подвергаются этой же «перестройке» в соответствии с потребностями мирового капитала. Судьба электронной промышленности, исчезнувшей почти полностью, и сельского хозяйства, в котором производство упало почти в два раза, а занятые там люди торгуют на рынках или спиваются, в России тому подтверждение. Да и в иных отраслях можно насчитать десятки предприятий, которые закрываются собственниками. Например, горно-обогатительный комбинат в Глубоком Восточно-Казахстанской области, рабочие которого длительное время боролись против планов собственника, компании Казахмыс,

ликвидировать производство. Что превратило бы Глубокое, вся жизнь которого завязана на ГОК, в город призрак.

Равно как и в развитых капстранах ликвидируются предприятия, которые выгоднее перевести в Восточную Европу или Азию. Например, шведская корпорация Electrolux ликвидирует производство в городе Вестервик с тем, чтобы перевести его в Венгрию, где уровень зарплат ниже, чем в Швеции, а несколько ранее о подобных планах объявила компания Филипс, решившая перенести производство из Испании в Словакию.

Причиной же подобных движений производства и капитала из одной страны в другую является стремление капиталистов к максимальным прибылям. В тех или иных странах развиваются те отрасли, которые наиболее выгодны транснациональным корпорациям, этим подлинным хозяевам современного мира.

Погоня за прибылью заставляет господ капиталистов действовать даже вопреки инстинкту самосохранения. Штаб-квартиры международных монополий находятся в развитых капстранах, под давлением длительной борьбы трудящихся за достойную оплату своей рабочей силы и страхом 17-го года капиталисты этих капстран вынуждены были пойти на определённые уступки в части оплаты труда, продолжительности рабочего дня и социальных гарантий.

Причём речь не идёт о каких-то жертвах со стороны буржуазии, которая отрывала от себя часть своего дохода. Просто-напросто рабочим и мелкой буржуазии развитых капстран, благодаря происходящему в рамках

капитализма перекачиванию прибылей из «третьего мира» в мир «первый», доставалась часть создаваемой в масштабах всего мира стоимости, причём очень малая её часть – намного меньше, чем доставалось капиталу.

Но этого хватало на политику «социального государства». Но вот исчез СССР, этот кошмар и страшный сон для капиталистов всего мира. И гибель советского общества продемонстрировала всем, в том числе и трудящимся, видимость преимущества капитализма перед социализмом. А европейская и американская буржуазия, лишившись пугала под названием «реальный социализм», в погоне за прибылями начала потихоньку наступление на социальные гарантии и права рабочих своих стран.

Причем в условиях сворачивания «социального государства» перевод производства из одной страны в другую может использоваться не только для увеличения прибылей крупного капитала, но и в качестве дубинки, занесённой над головами рабочих, вздумай те бороться за свои права. Вот простой пример. Забастовка рабочих-металлистов в восточных землях Германии летом прошлого года, требовавших выравнивания зарплаты и продолжительности рабочего дня с западом страны, потерпела поражение, в том числе и в связи с угрозой работодателей перенести производство в страны Восточной Европы. Равно как потерпела поражение забастовка металлистов, организованная тем же самым профсоюзом, в западных землях ФРГ в конце января –

ОКОНЧАНИЕ,

НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 1

начале февраля этого года.

Если раньше капиталисты для борьбы с забастовками использовали временные локауты, то есть массовые увольнения участников забастовок, то теперь локауты становятся вечными – бастующий завод в стране А закрывается на совсем, а производство переносится на аналогичный завод в стране Б, где к тому же и зарплата в два-три раза ниже.

Раньше, во времена, когда капитал был ещё по преимуществу национальным, капиталисты в борьбе с бастующими рабочими прибегали к временной остановке производства и массовым увольнениям. Но потом они вынуждены были возобновлять работу заводов и вновь принимали забастовщиков на работу, пусть даже за меньшую плату – если выступление рабочих оканчивалось поражением. Теперь же капиталисты просто вывозят производство из Германии или Швеции в Венгрию, Чехию или Словакию. Вы требуете повышения зарплаты – получайте вечный локаут!!!

Таким образом, в новых условиях прежние формы борьбы рабочих, даже в своих высших формах – организации в рамках отрасли или страны – оказываются неспособными противостоять капиталу, ставшему международным.

Более-менее успешной в национальных рамках на данный момент борьба трудящихся оказывается в двух случаях: если приобретает поистине общенациональный масштаб, как это имеет место с борьбой против неолиберальных реформ в социальной сфере в большинстве стран Европы, или если бастуют работники средств сообщений или связи (авиадиспетчера, летчики, железнодорожники, связисты) либо коммунальной сферы. То есть тех отраслей национального хозяйства, которые в принципе невозможно перевести из

одной страны в другую, или от которых зависит функционирование всей экономики в целом.

Впрочем, международная солидарность трудящихся, хотя и медленно, но прокладывает себе дорогу. Пусть пока что чаще всего она выражается в письмах протеста и поддержки в адрес своих коллег в других странах. Но уже сейчас мы имеем перед глазами и другие примеры.

Скажем, норвежские профсоюзы моряков активно защищают в судах российских рыбаков, которых работодатели «кидали», оставляя без зарплаты и возможности вернуться на родину в портах Норвегии. После нескольких судебных процессов, выигранных совместно российскими и норвежскими рыбаками, число судовладельцев, нежелающих расплачиваться с русскими моряками, резко уменьшилось.

Другой пример – бойкот корпорации Coca-Cola, организованный в США в поддержку рабочих колумбийского филиала Колы. Дело в том, что Coca-Cola в этой латиноамериканской стране использует обусловленную вялотекущей гражданской войной местную практику физической расправы с оппонентами, для чего не стесняется прибегать к услугам ультраправых «эскадронов смерти», которые отстреливают профсоюзных активистов и просто членов профсоюзов – в среднем три человека в неделю. В том числе за год было убито девять профлидеров с предприятий Кока-колы, а ещё несколько десятков избито, похищено или получали угрозы в свой адрес. России, где за последние несколько лет было убито «всего» два рабочих лидера и несколько избито, до Колумбии очень далеко. Но не потому, что наши буржуи очень уж человеколюбивые, а потому, что российские рабочие не столь активны в борьбе за свои права, как колумбийцы.

Разумеется, в сторону объединения трудящихся всего мира делаются только первые шаги, и в ближайшем будущем о создании хотя бы какого-то прообраза Интернационала говорить не приходится. Но ведь вся борьба рабочих – это реакция на ухудшение их положения. И пролетариат, научившийся бороться за свои права в условиях капитализма национального, в новых условиях интернационального (глобального) капитализма делает только первые шаги, путём проб и ошибок участвует в борьбе с транснациональными корпорациями.

Но кроме проблемы интернационализации классовой борьбы перед рабочим движением существуют другие проблемы – в том числе проблема конечных целей и задач. Крах советской системы, которая, конечно, не была лишена противоречий, в конце-концов её взорвавших, но тем не менее продемонстрировавшей возможность иного общества, чем капитализм, основанный на погоне за прибылью, сильно дезориентировал международное левое движение, исчез путеводный маяк, вдохновлявший трудящихся на борьбу в течение многих десятилетий.

Полностью движение за новое общество, разумеется, не сошло на нет, даже, наоборот, после непродолжительного периода спада вновь набирает силу. Потому что протест против капитализма порождается им самим, теми противоречиями, что существуют в рамках капиталистических отношений.

Но отсутствие программы, подобной Коммунистическому манифесту XIX века, на которую могли бы опираться выступающие против всевластия капитала, весьма и весьма заметно.

Уже в нынешнем веке в странах третьего мира дважды складывались революционные ситуации – в Аргентине в 2002 и в

Боливии в 2003. И оба раза эти революционные ситуации выливались в простую смену одних буржуазных правительств другими. И кровь десятков и сотен борцов, павших на улицах Буэнос-Айреса и Ла-Паса оказалась пролитой зря – трудящиеся этих стран получили всё тот же капитализм, разве что политики, оболванивающие их, немного сменились.

Отличительной особенностью современных революционных ситуаций в том, что они вызваны не недостаточностью развития капиталистических отношений, подобно революционным ситуациям в той же Латинской Америке в начале или середине прошлого века, а противоречиями самого капитализма. Среди буржуазии нет ни одной фракции, заинтересованной в революции. И потому никто, кроме трудящихся во главе с пролетариатом не способен превратить эти революционные ситуации в революции, которые не могут быть никакими иными, кроме как социалистическими. Ибо на повестке дня сейчас не стоит уничтожение преград, мешающих развитию капитализма, а уничтожение самого капитализма, как самого неестественного в истории человечества общества.

Капитализм в масштабах всего мира достаточно созрел и даже перезрел для того, чтобы уступить дорогу новому обществу – мирно или немирно, зависит от того, хватит ли у буржуазии и её сторонников ума уступить новому миру без боя. Мы не сторонники насилия и готовы мирно разрешать существующие противоречия современности, если господа капиталисты будут столь благоразумны, чтобы понять, что эти изменения вызываются самим ходом исторического развития производительных сил. Но согласна ли на это буржуазия?

Изяслав Кацман